нуждающимся сценическим деятелям, Русское театральное общество, Русское музыкальное общество и др.)[29].

Кроме того, в отдельной главе В.Р. Лейкина-Свирская рассматривает участие интеллигенции в революционной борьбе, в том числе затрагивает организации, созданные интеллигенцией в ходе Первой российской революции. По большей части они оказались недолговечными (Союз союзов, Союз достижения равноправия евреев, Союз равноправия женщин и др.)[30].

Таким образом, Лейкиной-Свирской удалось показать, что приоритет в создании и развитии системы общественных организаций Российской империи принадлежит все-таки интеллигенции. Другим классам и социальным группам не удалось создать такого большого количества «частных» обществ. Очень интересен введенный В.Р. Лейкиной-Свирской термин «экономическая помощь населению». В отличие от термина, применяемого А.Д. Степанским, он прямо указывает на отсутствие прямой экономической выгоды для участников подобных объединений. Не вполне обоснованно выглядит выделение землемеров и лесоводов в отдельные категории интеллигенции, так как по своему положению это «третий элемент» земства и должен рассматриваться вместе с земской интеллигенцией, то есть «деятелями экономической помощи населению».

Классификацию общественных организаций «поздней» Российской империи предложила А.С. Туманова, изучавшая в своих работах общественно-политическую жизнь царской России на материалах Тамбовской губернии. Для этого она выделила:

1. общества в сфере совершенствования городской инфраструктуры и коммунальной политики[31];
2. общества социальной защиты[32];
3. медицинские организации[33];
4. экономические организации[34];
5. общества по изучению и популяризации литературы и искусств[35];
6. досуговые организации[36];
7. спортивные и оздоровительные общества[37];
8. просветительские общества[38];
9. научные общества[39];
10. «патриотические» общества[40].

Также А.С. Туманова ввела в классификацию в качестве самостоятельной единицы общественные съезды[41]. Эта классификация также покрывает существовавшую в Российской империи номенклатуру общественных организаций.

Вопросы вызывают принципы систематизации, положенные в основу этой классификации, а также предложенные формулировки групп обществ.

Так, проблемы совершенствования городской инфраструктуры и коммунальной политики входили в круг ведения городских и земских учреждений, и премьер-министр П.А. Столыпин в 1910 году даже издал особый циркуляр, содержащий в себе распоряжение распустить все самодеятельные общества, дублирующие функции земств и городских управ. К тому же общества, отнесенные Тумановой к этой группе, существовали только в столичных городах и крупных университетских центрах и могут быть перечислены поштучно: общества благоустройства территории, общества обывателей и избирателей по участкам, общества архитекторов, общества охраны памятников, Московское общество развития местного самоуправления, Рижское общество содействия коммунальной политике.

К этой же группе А.С. Туманова отнесла более массовые по своему составу пожарные общества и общества помощи погорельцам. Однако вряд ли целью существования этих обществ было совершенствование городской инфраструктуры или коммунальной политики, ибо количество пожаров и погорельцев в стране от их существования не сокращалось. Эти общества, как и общества спасения на водах, ставили своей задачей спасение человеческих жизней и реабилитацию жертв экстремальных ситуаций, то есть являлись прямым прототипом советской Гражданской обороны и российского МЧС.

Не меньше вопросов, задает и отнесение к общественным организациям экономических обществ, ибо сама А.С. Туманова в своем анализе определений «общественной организации» подчеркивала

ее некоммерческий и непроизводственный характер[42] .

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные классификации самодеятельных общественных организаций, созданные на основе принципа историзма, не приобрели универсального характера, они отражают состояние дел в определенный период или на определенной территории. Ближе всего к созданию универсальной классификации «частных» обществ подошел А.Д. Степанский. Но и его система не исчерпывает всей номенклатуры существовавших в стране общественных организаций. По-видимому, принцип историзма должен быть дополнен более универсальным по своему характеру принципом, заимствованным из социологии.

Подобную классификацию, построенную по социологическим критериям, попытался сформулировать А.Ю. Саран в своей монографии «Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг.». Правда, эта классификация была предложена для иного, чем рассматриваемый, периода истории, но сам автор концепции настаивает на её универсальных свойствах. На основе принципа функциональной деятельности он выделяет три типа общественных организаций: общества, занимающиеся проблемами взаимоотношения человека с природой, общества, решающие социальные проблемы, и общества, решающие проблемы личности[43]. Три большие группы общественных организаций, выделенные Сараном, в свою очередь делятся на многочисленные подгруппы. Общественные организации социальной направленности разделены на возрастные (детские и ветеранские), политические (собственно политические, вспомогательные и фантомные, куда исследователь отнес организации, реально не существовавшие, но «разоблаченные» чекистами), профессиональные и досуговые организации. К общественным организациям личностной направленности отнесены организации «витально-летальной проблематики» (выражение А.Ю. Сарана), организации социализации личности, содействия интеллектуальному развитию, религиозные организации, общественные организации искусств[44].

Однако и эта классификация не лишена недостатков. Во-первых, самый широкий по своим задачам и проблематике тип общественных организаций (сфера «общество–природа») зачастую оказывается самым узким по своему составу. Сам автор не вводит здесь подгрупп. Здесь стоит заметить, что для описания общественной жизни царской России А.С. Туманова ввела и обосновала понятия «университетская» провинция и «неуниверситетская» провинция (по критерию нахождения или отсутствия университетского центра на территории края)[45]. В «неуниверситетской» провинции общества изучения природы и краеведческие общества возникают довольно поздно, на рубеже XIX–XX столетий, что подтверждает пример Орловской губернии, в которой общество изучения природы было создано только в 1908 году. С другой стороны, подобный критерий явно необоснованно разрывает тип общественных организаций, который можно назвать «научными и научно-просветительскими», на общества по изучению природы и общества по изучению истории и археологии и помещает их в разные группы обществ: первые – в собственно общества по изучению природы, вторые – общества социальной направленности.

В-третьих, некоторые подгруппы второго и третьего типа обществ явно дублируют друг друга. Так, выделенные А.Ю. Сараном в отдельную группу детские общества решали в основном проблемы социализации личности, но эта задача заявлена им ниже как самостоятельная для отдельной группы общественных организаций.

Симптоматично, что в приложении к своей монографии А.Ю. Саран несколько изменил собственную классификацию общественных организаций Центральной Черноземной области РСФСР. Он опустил общества изучения природы и подробно перечислил организации социальной и личностной проблематики, поставив на первое место политические организации [46].

В настоящее время автором представленной статьи предпринята попытка соб-

ственной классификации самодеятельных общественных организаций. Не претендуя на полноту и окончательность выводов, автор попытался создать систему классификации, применимую не только для Орловской губернии, но и для других регионов страны. В основу этой классификации положены принципы систематизации А.Ю. Сарана, с одной стороны, и классификации А.Д. Степанского и А.С. Тумановой – с другой. Предполагается систематизировать общественные организации по двум критериям: сфере функциональной деятельности и принципам комплектации, социальному составу организации.

Это позволило автору сразу выделить две группы организаций, действующих в пореформенной Российской империи: сословные организации, занимающиеся сословными делами (права, пользы и учреждения сословий); и профессиональные организации (профессиональные ассоциации и союзы, защищающие права своих членов). Это Орловское дворянское собрание, Орловское купеческое собрание, Орловское общество врачей (с 1891 года – медицинское общество), Орловское ветеринарное общество, Орловское педагогическое общество и т.д. Принципы комплектации и сфера деятельности первых трех из перечисленных обществ делали их очень узкими. Так, в уставе Дворянского собрания 1865 года содержалось прямое запрещение: «предметы общегосударственного устройства или распоряжения, касающиеся других сословий, в число занятий и обсуждений дворянских собраний входить не могут».[47] Точно так же общество врачей можно рассматривать скорее не как профессиональную, а как корпоративную организацию, ибо врачи по настоящее время отделены от остального общества особым образовательным цензом и своей собственной профессиональной этикой. Именно поэтому эти общества были утверждены царским правительством раньше остальных: устав Дворянского собрания был утвержден в 1865, Купеческого – в 1869 году, общества врачей – в 1861 году. Они не представляли никакой угрозы царскому режиму, а решали важные социальные и витальные задачи (например, общество врачей в 1881 году активно боролось с холерной эпидемией в Орловской губернии).

В то же время не менее важные с социальной точки зрения профессиональные организации – Общество взаимопомощи приказчиков (1894), Педагогическое общество (1902), Общество взаимопомощи типографских рабочих (1904) – были разрешены властями довольно поздно, на рубеже XIX–XX веков. Скорее всего, это можно объяснить опасениями режима, что более открытые, чем сословные и корпоративные, и потому массовые общественные организации не удовлетворятся решением чисто профессиональных задач и обратятся к рассмотрению широкого круга общественных вопросов. Недаром возникновение этих организаций совпало с новым общественным подъемом середины 90-х годов XIX века, отмечавшимся в мемуарах современников, например В.А. Маклакова или П.Н. Милюкова.[48] Именно в 90-е годы XIX века возникают массовые общественные организации, занимающиеся решением проблем личной и социальной направленности.

Довольно легко выделились также в самостоятельные группы благотворительные и политические общественные организации. Благотворительные общества не только выполняли важные задачи общественного призрения, социальной защиты, но и выделялись по принципу комплектации – в своей основе сословно-корпоративному. Таковы, например, Орловское благотворительное общество (1866), Орловское братолюбивое общество (1874), состоявшие, по выражению современника событий В.А. Оболенского, из местной «аристократии»[49].

Политические организации и партии появились в Российской империи довольно поздно, на рубеже XIX–XX веков (а основная масса – в ходе революции 1905 года). Их тоже трудно с кем-либо перепутать, ибо все политические организации ставят своей целью борьбу за власть и претендуют на выражение социально-экономических и политических интересов определенной группы населения.

Однако возникли затруднения с классификацией некоторых общественных

организаций, таких как Орловское общество любителей конского бега (1872). Что это: досуговая организация (публика на ипподроме и тотализатор), профессиональное объединение коннозаводчиков или спортивная организация? В конце концов автор пришел к выводу, что это одна из общественных организаций, содействующих развитию отраслей экономики.

Подводя промежуточный итог анализу подходов и принципов возможной классификации общественных и политических организаций негосударственного характера, можно предложить следующую схему классификации:

I. Общественные организации природоохранительной направленности (не имеют подгрупп).

II. Общественные организации социальной направленности.

1. Сословные общественные организации (дворянские и купеческие).

2. Профессиональные организации и союзы (профессиональные корпорации, профсоюзы рабочих, профсоюзы ремесленников, профсоюзы служащих, творческие союзы).

3. Организации некоренного населения, беженцев и переселенцев (не имеют подгрупп).

4. Общества содействия развитию экономики (сельскохозяйственные общества и общества по отраслям).

5. Общества социальной защиты населения (благотворительные общества и попечительства о домах трудолюбия, общества помощи инвалидам, пенитицарная благотворительность, детская и образовательная благотворительность, благотворительные организации иностранцев, национальных меньшинств, беженцев).

III. Политические общественные организации.

1. Организации и группы ПСР (по территориальному признаку).

2. Организации анархистов и максималистов (по территориальному признаку).

3. Организации и группы РСДРП (по территориальному признаку).

4. Организации КДП (по территориальному признаку).

5. Организации «Союза 17 октября» (по территориальному признаку)

6. Организации черносотенцев (по территориальному признаку).

IV. Общественные организации, ориентированные на решение личностных (витально-экзистенциальных) проблем.

1. Общественные организации по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях (спасение от природных стихий, реабилитация жертв социальных потрясений, пожарные общества и дружины).

2. Спортивные и оздоровительные общественные организации (спортивные универсальные и по видам спорта, а также оздоровительные организации, прежде всего общества борьбы за трезвость).

3. Просветительные общественные организации (просветительные организации и организации воспитания и защиты детей).

4. Научные и краеведческие общества (не имеют подгрупп).

5. Досуговые общественные организации (общественные собрания, коммерческие собрания, офицерские собрания, общества любителей искусств и культуры).

6. Религиозные общественные организации (конфессиональные и религиозно-мистические).

В свою очередь выделенные подгруппы разбиваются на более мелкие категории. Вся система общественных организаций будет подробно рассмотрена в подготовленном автором «Словаре-справочнике общественных организаций Орловской губернии», издание которого намечено на 2013 год.

---

[1] Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979. с. 3; Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности, М., 1965. С. 3.

[2] Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979. С. 4.

[3] Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX вв. Традиции и новации. М., 2003; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981; Раскин Д.И. Исторические реалии русского гражданского общества в XIX веке //Из истории русской культуры XIX века. М., 1996; Степанский А.Д. История

общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979; Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1980; Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982; Степанский А.Д. Легальные общественные организации в политической системе царской России // Общественные организации в политической системе 1917–1918 гг. М., 1991.

[4] Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979. С. 9–17.

[5] Там же. С. 20–26; 56.

[6] Там же. С. 28–30.

[7] Там же. С. 30–37, 58–63.

[8] Там же. С. 38–39.

[9] Там же. С. 39–41.

[10] Там же. С. 42–44.

[11] Там же. С. 38, 41.

[12] Там же. С. 45–52.

[13] Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982. С. 4, 5, 10.

[14] Там же. С. 20.

[15] Там же. С. 35.

[16] Там же. С. 39.

[17] Там же. С. 42.

[18] Там же. С. 44.

[19] Там же. С. 45.

[20] Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. С. 41–45.

[21] Там же. С. 46.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 52–59.

[24] Там же. С. 66–77.

[25] Там же. С. 79–82.

[26] Там же. С. 91–95.

[27] Там же. С. 120–140.

[28] Там же. С. 153–173.

[29] Там же. С.194–211.

[30] Там же. С. 220–225.

[31] Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 80–85.

[32] Там же. С. 85–89.

[33] Там же. С. 97–99.

[34] Там же. С. 95–97.

[35] Там же. С. 11, 107–111.

[36] Там же. С. 107–111.

[37] Там же. С. 111–114.

[38] Там же. С. 114–121.

[39] Там же. С. 121–133.

[40] Там же. С. 133–136.

[41] Там же. С. 136.

[42] Там же. С. 22–23.

[43] Саран А.Ю. Власть и общественные организации Центральной России. 1928–1934. Москва–Орел, 2003. С. 150.

[44] Там же. С. 155.

[45] Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 54–55.

[46] Саран А.Ю. Власть и общественные организации Центральной России. 1928–1934. Москва–Орел, 2003. С. 348.

[47] ГАОО. Ф.580, ст.1. Ед. хр. 2385. Л. 4 об.

[48] Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 120.

[49] Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж: YMKA-PRESS, 1988. С. 162.

УДК 730(092):929

ДРУГОВСКАЯ А.Ю.

Духовно-нравственные ценности творческого наследия В.М. Клыкова

В статье представлен анализ творческого пути выдающегося российского скульптора, крупного общественного деятеля В.М. Клыкова.

Особое внимание автор уделяет вкладу В.М. Клыкова в развитие культуры его малой родины – Курского края.

Ключевые слова: творчество В.М. Клыкова, духовно-нравственные ценности, история культуры, Курская область, скульптура, Международный Фонд славянской письменности и культуры.

Вячеслав Михайлович Клыков оставил яркий след в истории российской интеллигенции, истории российской культуры XX века. Он был масштабной личностью, замечательным скульптором, крупным общественным деятелем, горячим патриотом своей страны. Главным в его творчестве являлась любовь к Отечеству, его истории. В одном из своих творческих интервью он признался: «Для каждой творческой работы, я имею в виду деятельность художников разных направлений: писателей, музыкантов, скульпторов и т.д. – необходим побудительный мотив. Для меня этот мотив – мое уважительное отношение к русской истории. Я люблю нашу историю, Россию, русский народ, я сам русский человек. Все, что связано с нашей Родиной, для меня близко, дорого, я переживаю ее судьбу, как свою личную»[1].

В больших и малых городах и поселках нашей Родины стоят созданные его рукой памятники: Сергию Радонежскому в Радонеже, святым равноапостольным Кириллу и Мефодию в Москве, А.С. Пушкину в Тирасполе и Арзамасе, Петру I в Липецке, князю Владимиру в Белгороде, Дмитрию Донскому в подмосковном Дзержинске, Илье Муромцу в Муроме, К. Батюшкову в Вологде, И. Бунину в Орле, В. Шукшину в селе Сростки, Н. Рубцову в Тотьме и другие. Всего более 200 скульптурных произведений создал В.М. Клыков.

Тема подвига Победы нашего народа в Великой Отечественной войне нашла свое величественное воплощение в монументе Победы на Прохоровском танковом поле и в памятнике маршалу Г.К. Жукову на Манежной площади в Москве, а памятник маршалу Г. К. Рокоссовскому установлен возле школы № 8 города Курска[2]. На всех континентах знают его Меркурия, стоящего перед Центром Международной торговли в нашей столице. Его произведения всегда обращают людей к истории нашей Родины, к родным берегам, гармонии, красоте и добру.

Сила творчества Вячеслава Михайловича в истоках родной земли, укладе русской жизни, душевном бескорыстии русского народа[3]. Всем своим творчеством он утверждал ту историческую основу, на которой, по его мнению, должна стоять Россия, – Православие, самодержавие, народность. Справедливо утверждение, что по своей масштабности, значимости, духовному содержанию и искренности служения русской идее скульптурные работы В.М. Клыкова не имеют себе равных, ведь каждый его памятник посвящен главному – духовной сути России, нравственной природе русского человека. Все это